

Экономическая политика

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Максим ОРЕШКИН

Максим Станиславович Орешкин —
министр, Министерство
экономического развития РФ
(125993, РФ, Москва, 1-я Тверская-Ямская ул., 1/3).
E-mail: mineconom@economy.gov.ru

Аннотация

В статье обсуждаются вызовы, стоящие перед российской экономикой, и основные задачи, которые необходимо решить для достижения целей, установленных майскими указами Президента Российской Федерации. Подчеркивается, что обеспечение темпов экономического роста России на уровне выше мировых в течение ближайших шести лет возможно при условии разработки и практической реализации целого комплекса взаимосвязанных мер. К числу первоочередных, по мнению автора статьи, относятся компенсация неблагоприятных демографических условий за счет снижения структурной безработицы, повышение продолжительности жизни и миграционная политика. При этом отмечается, что увеличение предложения рабочей силы предполагает повышение уровня жизни российского населения и создание комфортных условий для развития и реализации человеческого потенциала, в том числе обеспечение развитой современной инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, повышение экологических стандартов и т. д. По мнению автора, достижение высокого уровня развития и устойчивых долгосрочных темпов роста невозможно без прироста объема и качества инвестиций (в первую очередь в несырьевом секторе экономики). Привлечение инвестиций предполагает формирование диверсифицированной экономики с преобладанием в ее структуре сложных, высокотехнологичных производств. Это позволит России накапливать ноу-хау и в будущем экспортировать товары с высокой добавленной стоимостью, требующие высокого уровня человеческого капитала, что будет способствовать повышению конкурентоспособности страны на мировых рынках. Качественное изменение структуры инвестиций невозможно без благоприятного инвестиционного климата, конкурентной среды, эффективного государственного менеджмента. Реализация всей совокупности описанных мероприятий обеспечит динамичное и сбалансированное развитие российской экономики и, следовательно, ее выход на более высокую траекторию долгосрочного экономического роста.

Ключевые слова: экономическая политика, экономический рост, демография, совокупная факторная производительность, инвестиции, инфраструктура.

JEL: E60, E61, O10, O20, O40.

За последние несколько лет в России были реализованы структурные макроэкономические реформы, позволившие, с одной стороны, пройти адаптацию к ухудшению внешнеэкономической конъюнктуры, а с другой — существенно уменьшить чувствительность внутренних экономических параметров к внешним шокам и снизить макроэкономическую неопределенность. Этот блок мер включал переход к плавающему валютному курсу, введение режима таргетирования инфляции, новое бюджетное правило и механизм долгосрочного сглаживания влияния цен на нефть на экономику. В результате был создан фундамент для долгосрочного экономического роста. В новых условиях ключевой задачей следующего этапа развития Президент Российской Федерации определил обеспечение темпов роста российской экономики выше мировых.

1. Текущая фаза экономического цикла

В 2017 году ВВП России, по предварительной оценке Росстата, вырос на 1,5% после двух лет отрицательных темпов роста. При этом экономический спад 2015–2016 годов носил как структурный, так и циклический характер. Структурная компонента была связана с фундаментальным и долгосрочным ухудшением условий торговли, циклическая — с ростом неопределенности, снижением склонности к риску, необходимостью погашения значительной части внешнего долга за короткий период (результаты декомпозиции темпов роста российского ВВП на составляющие приведены, в частности, в работах [Дробышевский, Полбин, 2015; Синельников-Мурылев и др., 2014]).

В настоящее время в экономике всё еще сохраняется небольшой отрицательный разрыв выпуска [Дробышевский, Казакова, 2016; Зубарев, Трунин, 2017], о чем, в частности, свидетельствует продолжительное нахождение инфляции на низких уровнях. Сезонно сглаженный уровень базовой инфляции в годовом выражении находился ниже уровня в 4% на протяжении 18 месяцев подряд (рис. 1).

Уровень безработицы, несмотря на значимое снижение до 5,2% в 2017 году после 5,5% в 2016-м, всё еще остается несколько выше естественного. При снижении безработицы до исторически минимальных уровней к концу 2017 года численность занятых уменьшилась на 250 тыс. человек (население трудоспособного возраста сократилось при этом на 1 млн человек вследствие долгосрочных демографических трендов).

За последние годы произошло заметное снижение естественного уровня безработицы, что, с одной стороны, обусловлено изменением возрастной структуры населения, а с другой — структурным снижением безработицы в регионах с традиционно высоким ее уровнем

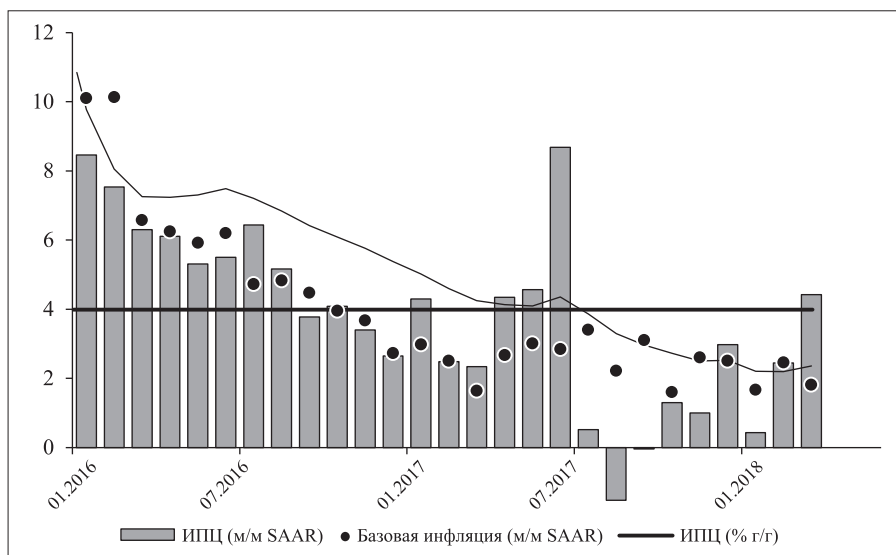


Рис. 1. Показатели инфляции (%)

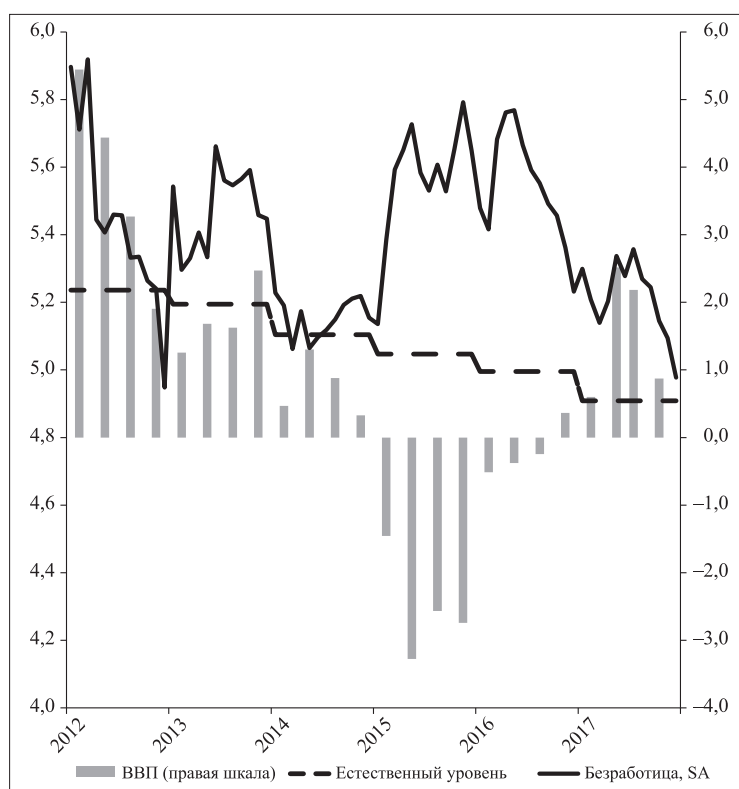


Рис. 2. Естественный уровень безработицы (%)

(Южный федеральный округ и Северный Кавказ). Естественный уровень безработицы, по оценке Минэкономразвития РФ, в 2017–2018 годах составляет 4,7–4,9% и имеет потенциал для дальнейшего снижения (рис. 2, 3, 4).



Рис. 3. Изменение возрастной структуры рабочей силы (%)

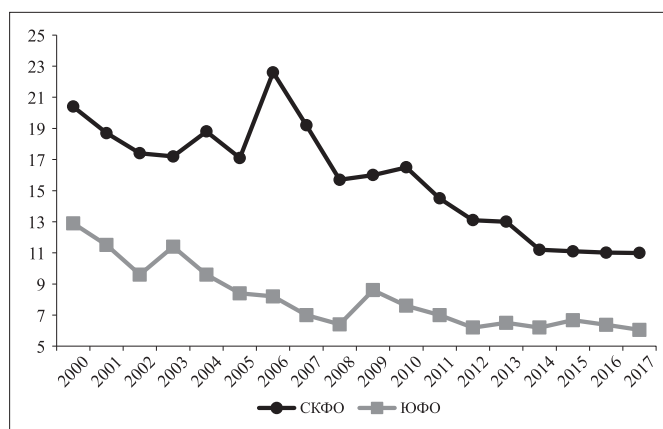


Рис. 4. Структурное снижение безработицы в отдельных регионах (%)

2. Сравнение экономического роста в России и мире

Если судить о результатах 2017 года по темпам роста реального ВВП, российский показатель (1,5%) существенно ниже среднемирового (3,7%). Однако не в последнюю очередь эта разница объясняется демографической ситуацией.

Для сравнения динамики роста экономики более корректно использовать показатель «темп роста ВВП на человека в возрасте

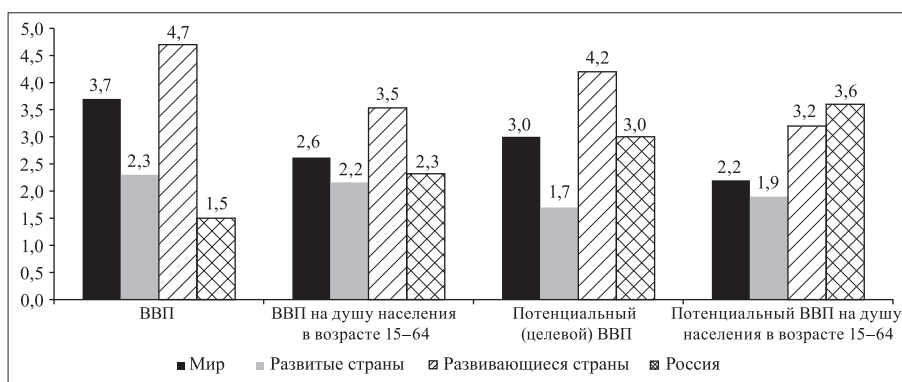


Рис. 5. Темпы экономического роста в России и в мире, 2017 год (%)

15–64 лет»¹. В прошлом году этот показатель для России составил 2,3%, а среднемировой — 2,6% (для развитых стран он составил 2,2%, для развивающихся — 3,5%; рис. 5).

На этом фоне результаты российской экономики оказались всего на 0,3% ниже среднемирового уровня, при этом уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в России превышает среднемировой уровень на 62%. С поправкой на более высокий уровень экономического развития России темпы экономического роста в прошлом году соответствовали глобальным трендам.

На рост мировой экономики в 2017 году существенно повлияли циклические компоненты. По оценке Минэкономразвития, из показателя роста развитых стран, равного 2,3%, до трети носило циклический характер. Прежде всего это связано с продолжающимся восстановлением экономик США и Евросоюза после мирового финансового кризиса 2008–2009 годов. По мере исчерпания источников восстановительного роста темп роста ВВП развитых стран будет замедляться с текущих уровней, что связано с ухудшением демографических тенденций и замедлением роста производительности труда.

В развивающихся экономиках также произойдет снижение темпов экономического роста. Ключевыми факторами здесь станут дальнейшее структурное замедление экономик Китая и Индии, окончание циклического восстановления в Бразилии, возвращение к трендовым темпам роста в Турции [Идрисов и др., 2017].

Таким образом, в перспективе 3–6 лет фактические темпы роста мировой экономики даже в оптимистичном сценарии замедлятся до уровня около 3%. Рост ВВП на душу населения в возрасте 15–64 лет составит около 2,2%. Тот же уровень совокупного роста для России

¹ Этот показатель используется вместо показателя «население в трудоспособном возрасте» для обеспечения возможностей межстранового сопоставления.

при базовом демографическом прогнозе будет означать, что этот показатель должен составить 3,6%.

Достижение темпов роста выше мировых для экономики России де-факто является задачей двукратного опережения темпов роста стран с аналогичным уровнем развития. Реализация такой задачи возможна только при активных действиях по всем ключевым направлениям: динамике экономически активного населения относительно базового сценария, росте объемов инвестиционной активности в структуре ВВП при одновременном улучшении их качества, повышении факторной производительности труда [Идрисов, Синельников-Мурылев, 2014; Мау, 2017].

3. Демография — вызовы и ответы

В ближайшие шесть лет слабая динамика притока российского населения в трудоспособный возраст (минимум рождаемости пришелся в нашей стране на 1999 год) будет одновременно сопровождаться выходом из него значительного по объему послевоенного поколения.

Как результат, численность населения в трудоспособном возрасте по среднему варианту демографического прогноза будет сокращаться темпами около 0,5 млн человек в год (до 2024 года), а демографическая нагрузка вырастет с 786 человек в нетрудоспособном возрасте на 1000 человек в трудоспособном до 857 человек в 2024 году (рис. 6, 7).

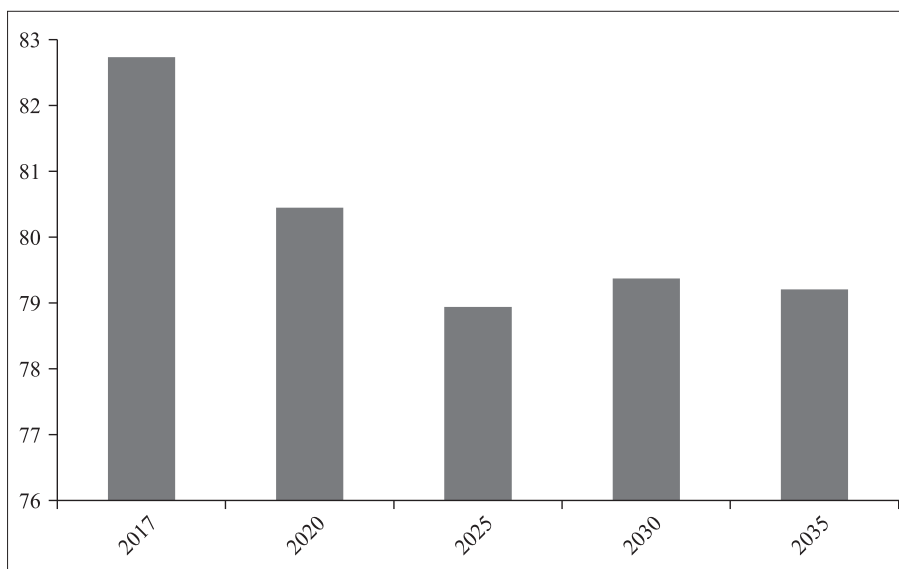


Рис. 6. Численность трудоспособного населения (млн чел.)

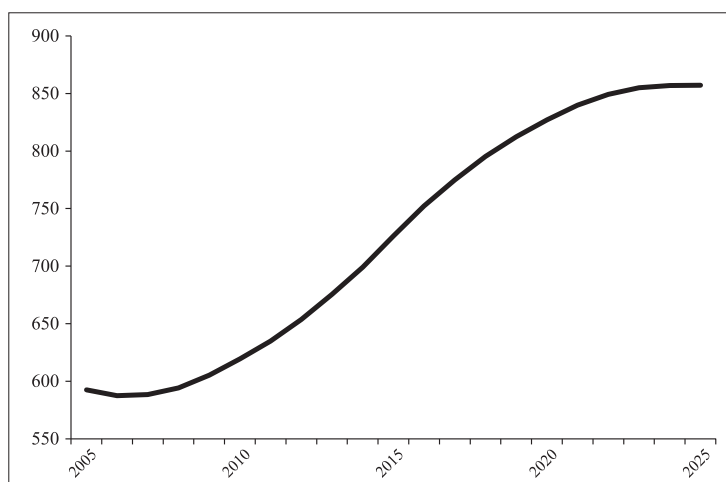


Рис. 7. Динамика демографической нагрузки (численность нетрудоспособного населения на 1000 человек трудоспособного возраста)

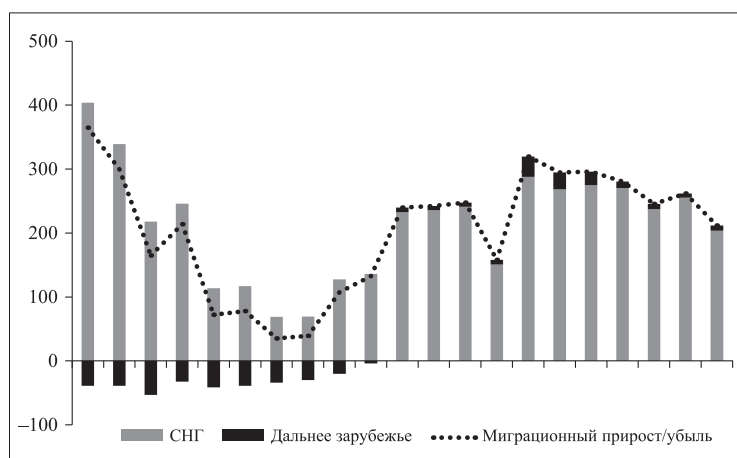


Рис. 8. Миграционные потоки
(динамика трудоспособного населения на 1000 человек)

Еще одной серьезной демографической проблемой является высокий уровень смертности мужчин в трудоспособном возрасте. В настоящий момент в России зарегистрирован крайне высокий показатель смертности мужчин в возрасте 15–60 лет. По итогам 2015 года коэффициент смертности мужчин в возрасте 15–60 лет составлял 321,8 на 1000 смертей (в развитых европейских странах этот коэффициент составляет около 100, в Мексике он равен 141,9, в Бразилии — 193,6, в Казахстане — 297,5).

Эти демографические тренды оказывают значимое влияние на состояние рынка труда и являются серьезной преградой для роста экономики [Горюнов и др., 2015].

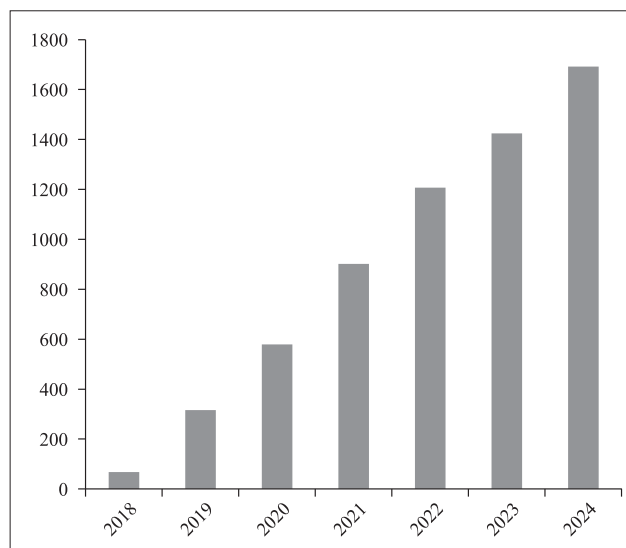


Рис. 9. Эффект на рабочую силу от увеличения продолжительности активной жизни (тыс. чел.)

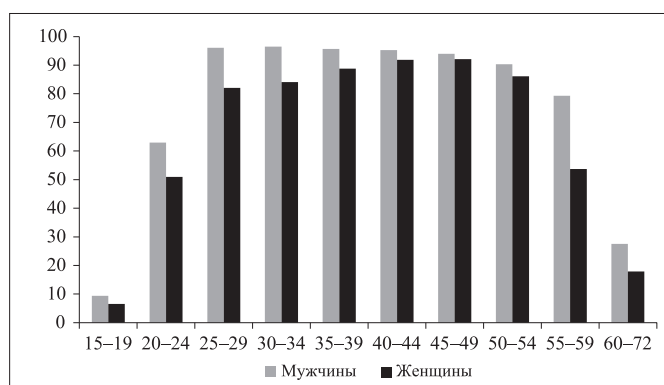


Рис. 10. Уровень участия в рабочей силе (%)

Какие меры могут частично компенсировать неблагоприятные демографические условия?

Первая задача — дальнейшее снижение структурной безработицы. Оно будет происходить как естественным путем (уменьшение доли молодых групп населения в структуре рабочей силы), так и за счет активных действий властей — дальнейшего снижения безработицы в регионах с высоким ее уровнем, создания возможностей для трудоустройства молодых матерей, роста внутренней миграции и внедрения программ обучения в течение всей жизни. Всё это потенциально может привести к увеличению занятого населения на 750–800 тыс. человек за рассматриваемый период (рис. 8, 9, 10).

Второе направление связано с достижением целей, поставленных президентом: увеличить продолжительность жизни до 77–78 лет к 2024 году и обеспечить соответствующий рост продолжительности активной жизни. Это позволит увеличить численность рабочей силы на 1,7 млн человек к 2024 году и станет следствием как прямого роста численности населения в возрасте от 15 до 64 лет, так и увеличения уровня экономической активности в соответствующих возрастных группах.

Так, например, уровень участия в рабочей силе женщин в возрасте 50–54 лет в 2017 году составил 86,1% от численности женщин соответствующего возраста, а в следующей возрастной группе — 55–59 лет — уровень экономической активности женщин снизился до 53,7%. Преодоление только этого разрыва в уровне участия в рабочей силе потенциально может дать прибавку к численности рабочей силы в размере около 350 тыс. человек.

Третье направление — миграционная политика. Фокус должен быть сосредоточен на получении российского гражданства и вида на жительство бывшими соотечественниками, проживающими за рубежом (рис. 11), а также высококвалифицированными специалистами (роль иммиграционной политики в повышении качества рабочей силы обсуждается, в частности, в статье [Любимов и др., 2017b]). Например, выпускники ведущих российских вузов должны иметь возможность получать гражданство по максимально упрощенной процедуре. Численность иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, по данным за 2016 год, составила 244,6 тыс. человек (60,4 тыс. человек из них — граждане стран дальнего зарубежья; рис. 12).

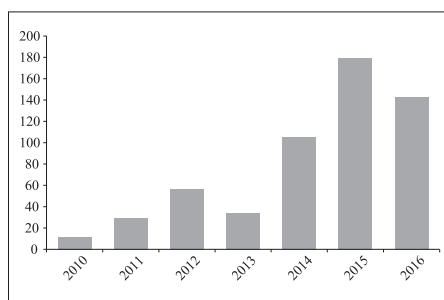


Рис. 11. Результаты действия программы по переселению соотечественников (тыс. чел.)

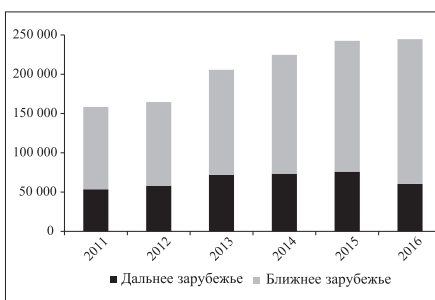


Рис. 12. Иностранные студенты в вузах (тыс. чел.)

Вместе с тем повышение глобальной мобильности рабочей силы открывает не только новые возможности, но и формирует новые вызовы. Для обеспечения конкурентоспособности России необходимо добиваться повышения качества жизни граждан и создания условий для их

развития и реализации. Речь идет о комфортной городской среде, современной инфраструктуре, качественной системе образования, развитии системы здравоохранения и повышении уровня экологических стандартов. Как подчеркивается в зарубежной [Acemoglu, Autor, 2011; Robinson et al., 2005; Rodrik, 2010] и отечественной (например, [Любимов, 2017]) литературе, без создания соответствующих условий высококвалифицированные специалисты неизбежно будут покидать страну.

4. Совокупная факторная производительность

Рост совокупной факторной производительности является существенным источником экономического роста, однако его автономные возможности ограничены [Barro, 1991; Mankiw et al., 1992].

Так, в период бурного подъема экономики Сингапура в 1980-х годах и первой половине 1990-х, когда темпы роста ВВП этой страны составляли 7–9% (за исключением спада в 1985 году), средний рост TFP оценивался на уровне около 2% (за период 1980–1995 годов) [Wong, Seng, 1997]. В период с 1985 года по 1990-й вклад TFP в экономический рост достиг 4 п.п., что во многом явилось следствием масштабного накопления основного капитала в предшествующие пять лет. Кроме того, показатель TFP имеет значимую циклическую составляющую.

В другом исследовании [Wong, Gan, 1994], где проводилась оценка роста TFP в 27 отраслях промышленности Сингапура 1980-х, средний рост TFP оценивался в 1,6%.

Основной вклад в экономический рост Сингапура в тот период вносили инвестиции в основной капитал. В среднем за период 1980–1995 годов вклад капитала в экономический рост составлял более 4 п.п., а в первые пять лет этого периода был близок к 6 п.п. (доля инвестиций в ВВП в 1980–1995 годы составляла в среднем 39%; рис. 13).

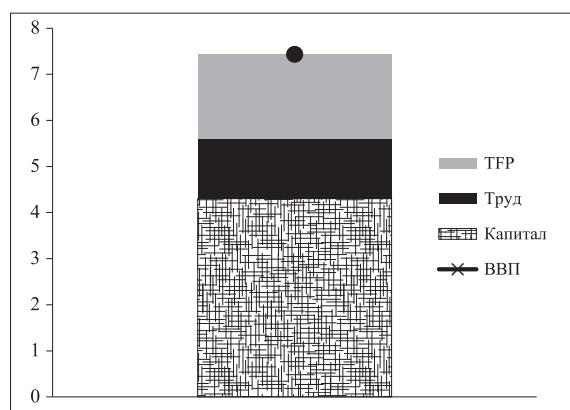


Рис. 13. Экономическое чудо Сингапура, 1980–1995 годы

С поправкой на уровень развития экономики максимально возможный рост TFP для России оценивается в 1,0–1,5%. В 2017 году рост TFP в России оценивается в 0,7%, что соответственно означает наличие возможностей для повышения вклада TFP в экономический рост, но только в ограниченном размере нескольких десятых процентного пункта.

5. Инвестиции как фактор экономического роста

Таким образом, в настоящий момент с учетом демографических ограничений единственный способ для России значительно повысить темпы экономического роста — увеличить объем и качество инвестиций [Березинская, Ведев, 2014; Кудрин, Гурвич, 2014].

По оценкам Министерства экономического развития России, основанным на различных спецификациях панельных регрессий по выборке стран, чувствительность реальных темпов роста ВВП к изменению доли инвестиций в ВВП составляет 0,13–0,15². Сопоставление с другими странами показывает, что росту ВВП на душу населения в диапазоне 3,0–3,7% соответствует доля инвестиций в основной капитал на уровне 25–30% (рис. 14).

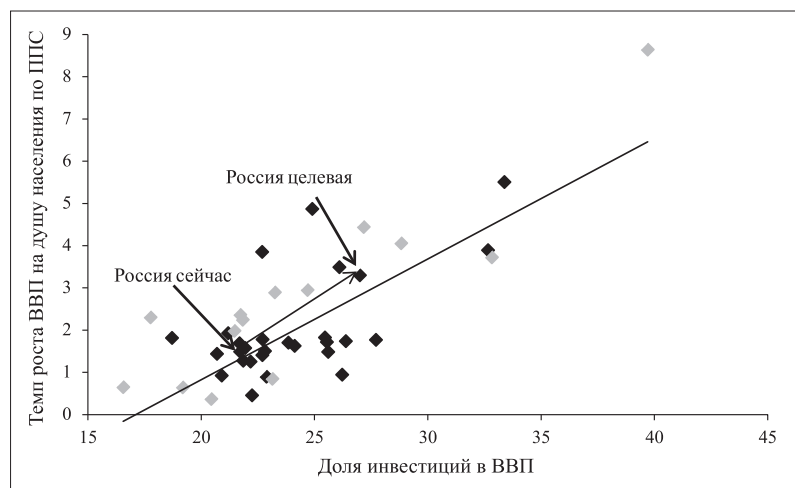


Рис. 14. Инвестиции и рост ВВП на душу населения (%)

² Были оценены различные спецификации регрессий на панельных данных по выборке из первых 50 стран, упорядоченных по размеру ВВП на душу населения (по ППС). Также была оценена модель линейной регрессии по средним за период значениям для каждой страны. Полученные оценки оказались устойчивыми к различным спецификациям. Использовались данные за период 1980–2016 годов. Источник: WEO database, DataBank, World Development Indicators.

Развивающиеся страны в среднем демонстрируют более высокие темпы роста при той же доле инвестиций в ВВП, поскольку большинство из них продолжают использовать источники догоняющего роста (в том числе за счет импорта технологий). В общем смысле российская экономика исчерпала возможности догоняющего роста к началу 2000-х годов. С тех пор уровень подушевого ВВП в России устойчиво и значимо превышает среднемировой уровень (в последние десять лет — на 60–80%).

6. Рост инвестиций в структуре ВВП — что это означает?

Рост доли инвестиций в ВВП требует соответствующего изменения структуры экономики. Для России в современных условиях это означает 5,5 трлн руб. дополнительных инвестиций к 2021 году в ценах 2017 года.

За 2017 год прирост номинального ВВП составил 6,7 трлн руб., из которых 3,7 трлн руб. пришлось на расходы на конечное потребление, 1,5 трлн руб. — на валовое накопление основного капитала, 0,9 трлн руб. — на прирост изменения запасов и 0,6 трлн руб. — на чистый экспорт.

По оценкам Минэкономразвития, рост расходов домашних хозяйств на конечное потребление (на 3,1 трлн руб. в 2017 году)

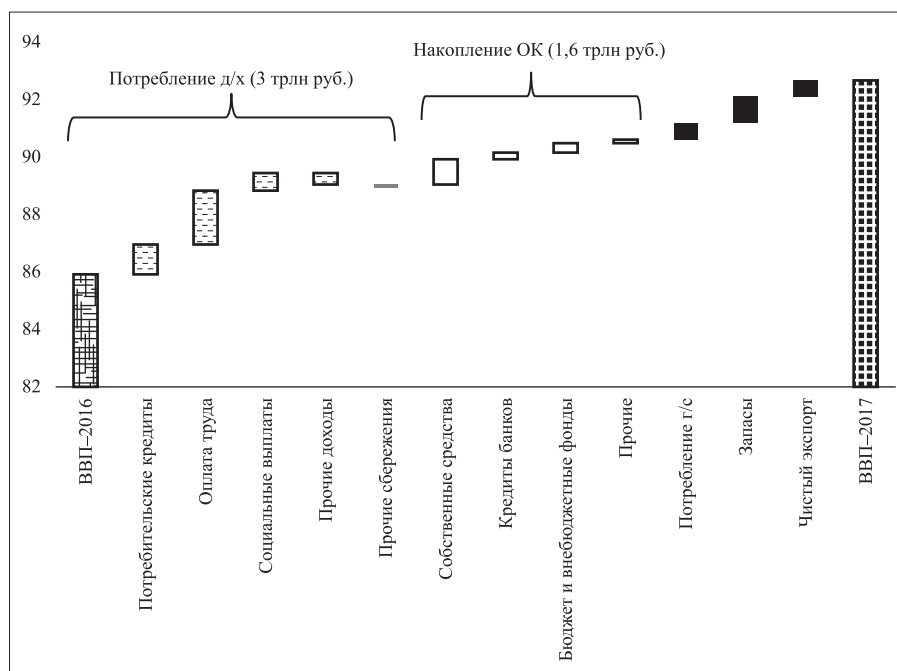


Рис. 15. Источники формирования спроса (трлн руб.)

был на 1,9 трлн руб. обеспечен увеличением трудовых доходов, на 0,6 трлн руб. — ростом размера социальных выплат, на 1 трлн руб. — изменением динамики потребительского кредитования. На потребительские расходы населения отрицательно повлияло сокращение «прочих доходов» (на 0,4 трлн руб.) и рост «прочих сбережений» (на 0,1 трлн руб.).

Рост инвестиций в основной капитал крупных и средних предприятий (на 1 трлн руб. за 2017 год) был на 0,6 трлн руб. профинансирован из собственных средств, по 0,2 трлн руб. пришлось на кредиты банков и средства бюджета и внебюджетных фондов (рис. 15).

Достижение доли инвестиций в ВВП в 25% к 2021 году означает необходимость кардинального изменения соотношения приростов инвестиционных и текущих расходов относительно сложившихся в последние годы. При приросте накопления основного капитала в 5,5 трлн руб. за четыре года (в ценах 2017 года) прирост расходов на конечное потребление за тот же период должен составить 6,6 трлн руб., то есть оказаться выше всего на 20%, в то время как в устойчивых условиях это соотношение было близко к 2:1 (рис. 16).

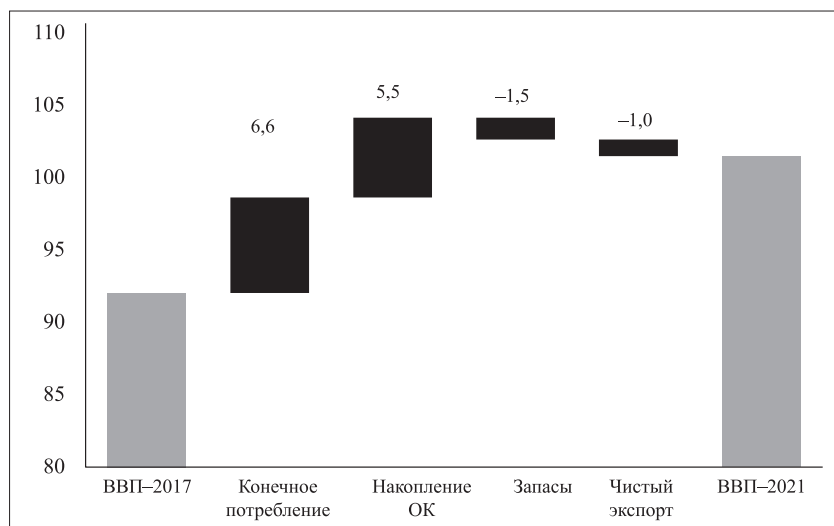


Рис. 16. Изменение конечного спроса 2017/2021 (трлн руб.)

При этом вряд ли стоит ожидать существенных изменений в структуре прироста доходной части, принимая во внимание напряженную ситуацию на рынке труда.

Ресурсом для обеспечения высокой инвестиционной активности должно стать увеличение:

- уровня сбережений домашних хозяйств и государственного сектора (снижение в структуре расходов консолидированного бюджета текущих расходов в пользу инвестиционных);
- доли прибыли, направляемой на инвестиции;
- объема прямых иностранных инвестиций.

Второй и третий пункты де-факто означают снижение уровня оттока капитала. Роль этого фактора будет иметь ограниченный эффект. По оценкам Минэкономразвития, его вклад в рост инвестиционной активности может составить не более 1,0–1,5% ВВП.

Таким образом, требуемую инвестиционную активность невозможно обеспечить без серьезного роста нормы сбережения домашних хозяйств (до 2,5–3,0% ВВП). Это осуществимо только в условиях сдержанного роста потребительского кредитования (темпами, не превышающими номинальный рост заработной платы) и развития инструментов долгосрочных сбережений, причем не только на долговом, но и на рынке акционерного капитала.

Рост нормы сбережений домашних хозяйств и формирование долгосрочных накоплений является необходимым, но не достаточным условием обеспечения высоких уровней инвестиционной активности. Требуемый эффект может быть достигнут только в случае качественного улучшения инвестиционного климата. В противном случае, не найдя применения в России, накопленные сбережения трансформируются в отток капитала (рис. 17).

Переход к качественно более высоким уровням инвестиционного спроса означает масштабные изменения в отраслевой структуре экономики (рост доли нефтегазового сектора экономики и про-

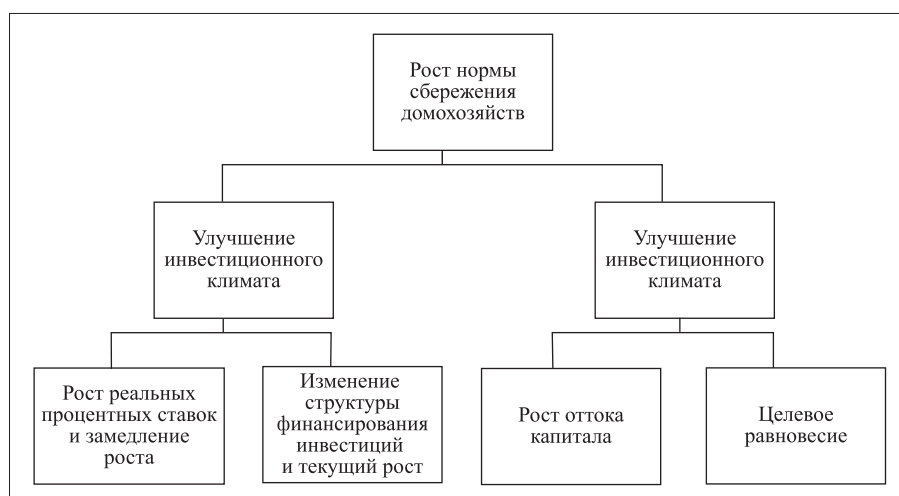


Рис. 17. Возможные макроэкономические равновесия

изводства инвестиционных товаров), в структуре импорта (в пользу инвестиционного), а также в структуре рынка труда.

При этом чтобы выросшие инвестиции обеспечивали ускорение экономического роста, они должны характеризоваться высоким качеством, что возможно только при обеспечении высокого уровня конкуренции и эффективности государственного сектора экономики.

В настоящее время по поручению президента Правительство РФ совместно с Банком России работает над планом повышения доли инвестиций в ВВП. Эти меры будут направлены на повышение инвестиционной привлекательности проектов, реализуемых на территории России, что может быть обеспечено за счет снижения издержек и уровня рисков, а также увеличения доходов, в том числе за счет роста объемов несырьевого экспорта.

7. Структура инвестиций — где нужен прирост?

Рост инвестиций должен носить сбалансированный характер и быть нацелен на расширение производственного потенциала российской экономики и повышение ее конкурентоспособности.

Индикаторами таких направлений могут быть различные сигналы о недоинвестированности в последние годы, наличие экспортного потенциала и возможностей для импортозамещения [Павлов, Каукин, 2017].

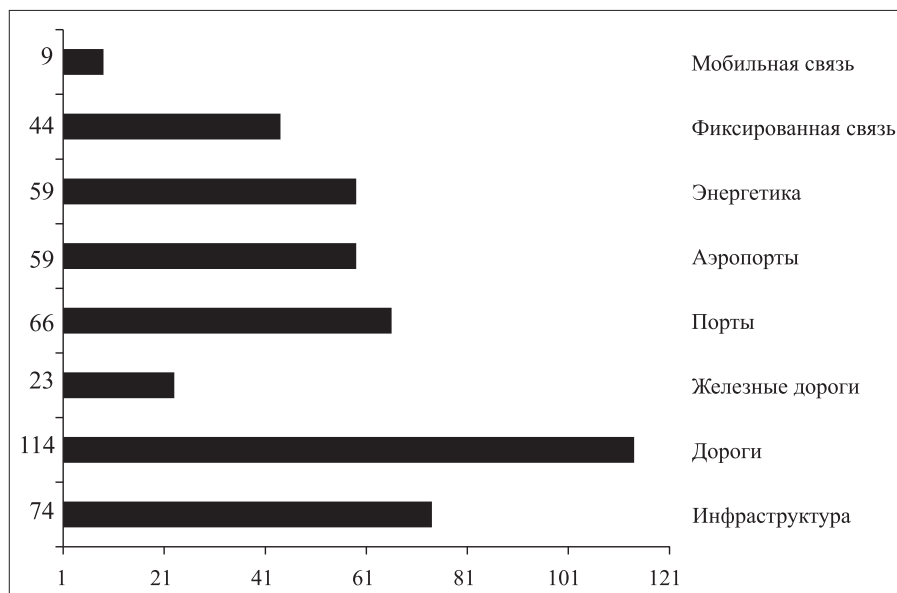


Рис. 18. Качество инфраструктуры в России, 2017 год
(место в рейтинге Всемирного экономического форума)

Так, в настоящее время очевидна потребность российской экономики в развитии и улучшении инфраструктуры. В 2017 году в рейтинге Всемирного экономического форума Россия заняла 74-е место из 137 оцениваемых стран по качеству инфраструктуры в целом. По отдельным ключевым элементам инфраструктуры результаты еще более слабые: так, по качеству дорожной инфраструктуры Россия заняла в 2017 году 114-е место (рис. 18).

Такие результаты в значительной степени являются следствием рецессии 2015–2016 годов. В течение этих лет существенно сократились инвестиции в основной капитал, в частности в инфраструктурные инвестиции. За 2014–2016 годы инвестиции в основной капитал в реальном выражении сократились на 11,6%, при этом доля инвестиций в инфраструктуру в совокупных инвестициях сократилась с 26–27% в 2009–2013 годах до 24% в 2014-м и 22% — в 2015–2016-м.

Как следует из сказанного, текущая ситуация в российской экономике, характеризующаяся, с одной стороны, недостаточным качеством инфраструктуры и снижением инвестиций в нее в последние годы, а с другой — наличием недозагруженных мощностей в строительном секторе и производстве стройматериалов, свидетельствует о существовании потенциала для ускорения экономического роста при активизации инфраструктурного строительства.

Инвестиции в инфраструктуру будут способствовать расширению потенциала экономики за счет снижения издержек по уже существующим и реализованным инвестиционным проектам, росту экспортных возможностей и созданию условий для развития и реализации человеческого капитала.

При эффективном выборе направлений инвестирования в инфраструктурные объекты долгосрочное позитивное влияние на экономический рост может быть существенно выше краткосрочного за счет создания дополнительных позитивных «внешних эффектов» (таких как повышение качества жизни населения, рост мобильности населения, улучшение состояния здоровья, рост транспортной связанности городов и других населенных пунктов). Эффективное развитие инфраструктуры может также стать основой для возникновения новых направлений экономической деятельности (таких, например, как транзит грузов и пассажиров), а также создать предпосылки для активного вовлечения российской экономики в международную торговлю [Литвинова, Пономарев, 2017].

Остальной необходимый прирост инвестиций в основной капитал должен быть обеспечен за счет прироста частных инвестиций, прежде всего в несырьевом секторе российской экономики, что значительно расширит экспортный потенциал и будет способствовать увеличению доли России в международной торговле [Любимов и др., 2017a].

Заключение

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что достижение целевых параметров развития экономики России, установленных майскими указами Президента Российской Федерации, подразумевает разработку целого комплекса взаимосвязанных мер. Действительно, экономическое развитие включает целый набор ингредиентов, представляющих базовые условия высокой конкурентоспособности страны. В перспективе шести лет Россия должна ответить на ряд демографических вызовов, включающих старение населения, низкую рождаемость и высокую смертность. Увеличение предложения человеческого капитала в свою очередь предполагает создание комфортных условий для воплощения ноу-хау работников. Эти условия включают в том числе комфортные условия проживания, развитую инфраструктуру и благоприятную социальную среду. Без сомнения, динамичный экономический рост невозможен без должного увеличения объема и качества инвестиций. В свою очередь привлечение дополнительных инвестиций подразумевает формирование диверсифицированной структуры экономики, в которой бы преобладали высокотехнологичные производства, позволяющие усложнить свою экспортную корзину. При этом качественное изменение структуры инвестиций и экономики страны должно происходить в благоприятной среде, при надежной системе защиты прав собственности, в благоприятных условиях для конкуренции на рынке, эффективной системе государственного управления. Своевременный ответ России на перечисленные вызовы позволит ей занять новые ниши на мировом рынке и выйти на более высокую долгосрочную траекторию сбалансированного развития.

Литература

1. Березинская О. Б., Ведев А. Л. Инвестиционный процесс в российской экономике: потенциал и направления активизации // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 4–16.
2. Горюнов Е. Л., Котликофф Л., Синельников-Мурылев С. Г. Бюджетный разрыв: оценка для России // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 5–25.
3. Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП в 2016–2019 гг. // Экономическое развитие России. 2016. № 6. С. 3–7.
4. Дробышевский С., Полбин А. Декомпозиция динамики макроэкономических показателей РФ на основе DSGE-модели // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 20–42.
5. Зубарев А. В., Трунин П. В. Анализ динамики российской экономики с помощью показателя «разрыв выпуска» // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2(161). С. 10–17.
6. Идрисов Г., Мау В., Божечкова А. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23.
7. Идрисов Г. И., Синельников-Мурылев С. Г. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 4–20.

8. Кудрин А. Л., Гурвич Е. Т. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
9. Литвинова Ю., Пономарев Ю. Автодорожная инфраструктура как детерминанта производительности в России // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 4. С. 10–18.
10. Любимов И. От человеческого капитала к экономическому росту: скорая дорога или долгое блуждание по лабиринту? // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 1–19.
11. Любимов И., Гвоздева М., Казакова М., Нестерова К. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017а. № 2(34). С. 94–122.
12. Любимов И., Казакова М., Гвоздева М., Нестерова К. Иммиграция, школьная система и накопление человеческого капитала // Экономическая политика. 2017б. № 1. С. 40–57.
13. Мау В. А. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 году // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 14–18.
14. Павлов П. Н., Каукин А. С. Импортозамещение товаров инвестиционного назначения в России // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 92–103.
15. Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37.
16. Acemoglu D., Autor D. Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings // Handbook of Labor Economics / D. Card, O. Ashenfelter (eds.). Vol. 4B. San Diego; Amsterdam: Elsevier; North-Holland, 2011.
17. Barro R. J. Economic Growth in a Cross Section of Countries // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. No 2. P. 407–443.
18. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. Iss. 2. P. 407–437.
19. Robinson J., Acemoglu D., Johnson S. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / P. Aghion (ed.). Vol. 1. Amsterdam: Elsevier; North-Holland, 2005. P. 386–472.
20. Rodrik D. Diagnostics Before Prescription // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. No 3. P. 33–44.
21. Wong F. C., Gan W. B. Total Factor Productivity Growth in the Singapore Manufacturing Industries During the 1980s // Journal of Asian Economics. 1994. Vol. 5. Iss. 2. P. 177–196.
22. Wong S. T., Seng B. S. S. Total Factor Productivity and Growth in Singapore: Methodology and Trends. Department of Statistics, Singapore. Capital Stock Conference, OECD, 1997, March.

Ekonomicheskaya Politika, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 8-27

Maxim S. ORESHKIN, Minister. Ministry of Economic Development of the Russian Federation (1/3, 1-ya Tverskaya-Yamskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation).

E-mail: mineconom@economy.gov.ru

Prospects of Economic Policy

Abstract

This article discusses the current challenges facing the Russian economy and the main tasks that have to be accomplished in order to achieve the goals set by the May Decrees of the President of the Russian Federation. The author emphasizes that ensuring the rates

of Russia's economic growth above the world average rates within the next six years is possible provided that a whole set of interrelated measures is developed and implemented. These measures include, most importantly, mitigation of unfavorable demographic conditions through reducing structural unemployment, increasing life expectancy, and migration policy. At the same time, the article notes that an increase in labor supply implies improving the living standards of the Russian population as well as favorable conditions for development and realization of human potential. These conditions include developed modern infrastructure, education and healthcare system, raising ecological standards etc. Achieving a high level of development and sustainable long-term growth rates is impossible without increasing the volume and quality of investments (primarily in the non-petroleum sector of the economy). In turn, attracting investments presupposes the formation of a diversified economy with predominance of high-tech industries in its structure, which would allow Russia to accumulate know-how and export complex products requiring high level of human capital in the future, thereby improving the country's competitiveness in global markets. A qualitative change in the investment structure requires favorable investment climate and conditions for competition, effective state management etc. Thus, the implementation of the entire set of measures mentioned above will ensure a dynamic and balanced development of the Russian economy and, therefore, sustainable long-term growth.

Keywords: economic policy, economic growth, demography, total factor productivity, investment, infrastructure.

JEL: E60, E61, O10, O20, O40.

References

1. Berezinskaya O. B., Vedev A. L. Investitsionnyy protsess v rossiyskoy ekonomike: potentsial i napravleniya aktivizatsii [Investments in the Russian Economy: Their Potential and Activation Directions]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no. 4, pp. 4-16.
2. Goryunov E. L., Kotlikoff L., Sinel'nikov-Murylev S. G. Byudzhetyy razryv: otsenka dlya Rossii [Fiscal Gap: An Estimate for Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 7, pp. 5-25.
3. Drobyshevskiy S., Kazakova M. Dekompozitsiya tempov rosta VVP v 2016-2019 gg. [Decomposition of GDP Growth Rates in 2016-2019]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Russian Economic Developments]*, 2016, no. 6, pp. 3-7.
4. Drobyshevskiy S., Polbin A. Dekompozitsiya dinamiki makroekonomicheskikh pokazateley RF na osnove DSGE-modeli [Decomposition of the Structural Shocks Contribution to the Russian Macroeconomic Indicators Dynamics on the Basis of the DSGE Model]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2015, vol. 10, no. 2, pp. 20-42.
5. Zubarev A. V., Trunin P. V. Analiz dinamiki rossiyskoy ekonomiki s pomoshch'yu pokazatelya "razryv vypuska" [The Analysis of the Dynamics of the Russian Economy Using the Output Gap Indicator]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 2017, no. 2(161), pp. 10-17.
6. Idrisov G., Mau V., Bozhechkova A. V poiskakh novoy modeli rosta [Searching for a New Growth Model]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 12, pp. 5-23.
7. Idrisov G. I., Sinel'nikov-Murylev S. G. Formirovanie predposylok dolgosrochnogo rosta: kak ikh ponimat'? [Forming Sources of Long-Run Growth: How to Understand Them?] *Voprosy ekonomiki*, 2014, no. 3, pp. 4-20.
8. Kudrin A. L., Gurvich E. T. Novaya model' rosta dlya rossiyskoy ekonomiki [A New Growth Model for the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no. 12, pp. 4-36.
9. Litvinova Yu., Ponomarev Yu. Avtodorozhnaya infrastruktura kak determinanta proizvoditel'nosti v Rossii [Road Infrastructure as a Determinant of Productivity in

- Russia]. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Russian Economic Developments], 2017, vol. 24, no. 4, pp. 10-18.
10. Lyubimov I. Ot chelovecheskogo kapitala k ekonomicheskomu rostu: skoraya doroga ili dolgoe bluzhdanie po labirintu? [Path from Human Capital to Economic Growth: A Free Highway or a Complicated Labyrinth?]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 8, pp. 1-19.
 11. Lyubimov I., Gvozdeva M., Kazakova M., Nesterova K. Slozhnost' ekonomiki i vozmozhnost' diversifikatsii eksporta v rossiyskikh regionakh [Economic Complexity of Russian Regions and Their Potential to Diversify]. *Journal of the New Economic Association*, 2017a, no. 2(34), pp. 94-122.
 12. Lyubimov I., Kazakova M., Gvozdeva M., Nesterova K. Immigratsiya, shkol'naya sistema i nakoplenie chelovecheskogo kapitala [Immigration, School System and Human Capital]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2017b, no. 1, pp. 40-57.
 13. Mau V. A. Uroki stabilizatsii i perspektivy rosta: ekonomicheskaya politika Rossii v 2016 godu [The Lessons of Stabilization and Prospects of Growth: Russia's Economic Policy in 2016]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 2, pp. 14-18.
 14. Pavlov P. N., Kaukin A. S. Importozameshchenie tovarov investitsionnogo naznacheniya v Rossii [Import Substitution of Investment Goods in Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 8, pp. 92-103.
 15. Sinel'nikov-Murylev S., Drobyshevskiy S., Kazakova M. Dekompozitsiya tempov rosta VVP Rossii v 1999-2014 godakh [Decomposition of Russian GDP Growth Rates in 1999-2014]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2014, no. 5, pp. 7-37.
 16. Acemoglu D., Autor D. Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings. In: Card D., Ashenfelter O. (eds.). *Handbook of Labor Economics*. Vol. 4B. San Diego, Amsterdam, Elsevier, North-Holland, 2011.
 17. Barro R. J. Economic Growth in a Cross Section of Countries. *The Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106, no. 2, pp. 407-443.
 18. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1992, vol. 107, iss. 2, pp. 407-437.
 19. Robinson J., Acemoglu D., Johnson S. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: Aghion P. (ed.). *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1. Amsterdam, Elsevier, North-Holland, 2005.
 20. Rodrik D. Diagnostics Before Prescription. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 3, pp. 33-44.
 21. Wong F. C., Gan W. B. Total Factor Productivity Growth in the Singapore Manufacturing Industries During the 1980s. *Journal of Asian Economics*, 1994, vol. 5, iss. 2, pp. 177-196.
 22. Wong S. T., Seng B. S. S. Total Factor Productivity and Growth in Singapore: Methodology and Trends. Department of Statistics, Singapore. *Capital Stock Conference*, OECD, 1997, March.